

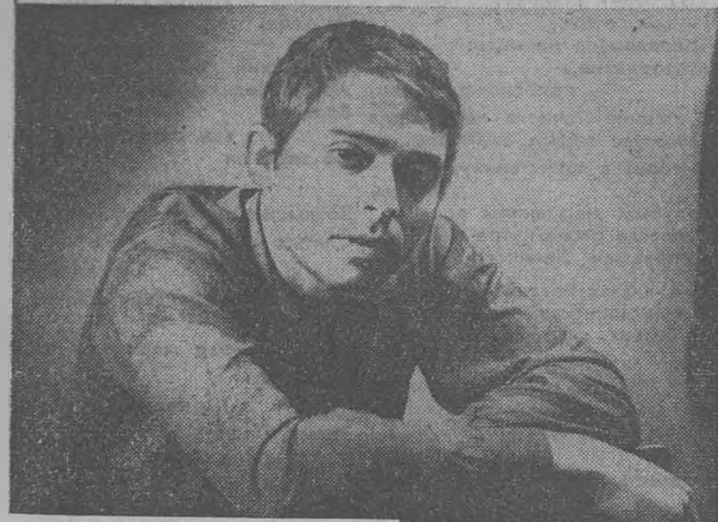
ГАСТРОЛИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ИМ. ЛЕНСОВЕТА

Бедный Марат?

Размышления над одной ролью

«НА СМЕНУ»

22 АВГ 1970

ТЕАТР — чудо, к которому нельзя привыкнуть.

Я не могу привыкнуть к этому чуду. Кажется, все уже ясно... Немало увидено, услышано, узнано вами. И все-таки вы идете в театр, втайне надеясь на открытие чего-то неожиданного.

И открытия подстерегают вас. И после спектакля, созданного по знакомой пьесе, — знакомое в ней кажется вам неизвестным.

Леонидик: А я бы закрыл все театры.

Лина: Что так?

Леонидик: Мысль, что все хорошее хорошо, а плохое — плохо, сама по себе недурна, но от частого повторения она как-то приедается...

Не кроются ли за этими репликами из пьесы А. Арбузова отголоски той проблемы поиска положительного героя, которого все ждут на сцене, но который не столь уж часто становится нашим жизненным другом?

Там, где идет примитивное утверждение положительного, нам не хочется следовать герою. Наблюдая за ним из зрительного зала, мы остаемся спокойными. Все верно в нем, но...

Пьесе А. Арбузова «Мой бедный Марат» можно упрекнуть в видимой заданности и в некоторой натянутости ситуаций, но нельзя ей отказать в том воздухе активных мыслей, которыми живут герои пьесы, — трое перенесших блокаду, повзрослевших в жизненных испытаниях молодых людей, которые, и став взрослыми, не желают отказываться, при всех ошибках своих, от максимализма юности.

Первый среди них — Марат.

В спектакле его играет Д. Барков. Первое появление Маратастораживает. Мелькает в нем абстрактный, как бы вне времени живущий, бодрящийся парнишка. Но уже со сцены дня рождения Лики, и особенно после появления Леонидика, ставшего для Марата как бы жизненным катализатором, четкость поведения этого парнишки становится такой емкой и яркой, что мы начинаем относиться к нему с той долей доверчивости, которая возможна лишь в общении с живым, реально существующим человеком.

Чем же заставляет Д. Барков относиться к своему герою как к явлению жизненному?

Вероятно, здесь произошло совпадение актерских данных с данными пьесы, органическое «наложение» актера на роль, происшедшее, резюмируется, не без помощи постановщика.

Размышляя о спектакле «Сорок первый», мы начали разговор о соприкасаемости видов искусств, о взаимопроникновении их.

Здесь разговор пойдет о соприкасаемости театра и кино, о стыковке, если хотите, актерского искусства кино и театра.

Кинематограф молча отдает актеру свои приобретения. Одно из них — скрупулезная логичность существования актера в образе. Это не значит, что логика сценического поведения не была ранее заботой русского и зарубежного театра. Но теперь логика сценического поведения, хотим мы того или не хотим, требует от актера еще и той меры, той грации выражения, которая подсказана кинематографом.

Вот почему Марат Д. Баркова «кинематографичен» в театральном смысле этого слова. Есть в нем та прописанность в поведении актера, без которой как раз и невозможно увидеть правду поведения человека. И это не означает, что Марат — Д. Барков примитивно ясен. Нет! Просто зрителю ясны сложные, зачастую скрывающиеся героем мысли и поступки. Это не притворная сложность, за которой ничего нет, это сложность, которую узнавать радостно.

Экспрессия поведения — условие временное для сценического героя вообще, и для положительного в особенности —

рождает ту эмоциональную наполненность, без которой не будут вполне обнаружены часть и целое роли, не будет ясна кульминация ее!

Но все сказанное выше можно, пожалуй, отнести ко многим Маратам, сыгранным по пьесе Арбузова.

Дело в том — и это главное, — что постановщик и актер в спектакле ленинградцев находят те удивительные частности, те подробности поведения, что характер Марата становится неповторимым. Помните, как рисует Марат Баркова. В единственном за всю пьесу чертеже — мальчишеском рисунке моста угадывается запал строителя, художника. Помните походку Марата, вспомните его короткий, с двойным переливом, но всегда с новым оттенком пошвист, вспомните, наконец, привычку прикрываться в озорные да и в трудные моменты жизни козырьком мальчишеской шапки, а затем козырьком военной фуражки!

Все это — общее и частное — вкупе и составляют конкретные черты, присущие только этому герою только этого спектакля, за которыми, как нам кажется, проявляется образ нашего современника.

Лишь подлинность, более того, лишь конкретность сценического положительно героя может вызывать такие ассоциации.

Ну, а развитие героя? Вот Марат появляется во втором акте. Оставаясь верным облику своего героя по характерным частностям, Д. Барков выявляет в полную меру возрастную сложность внутреннего мира Марата, так что рост его становится несомненным. При том, что это — он, парнишка из первого акта.

В характере, даже если он и развивается, есть то единое, что свойственно человеку и в детстве, и в юности, и в зрелые годы.

Так и Марат А. Арбузова — И. Владимиров — Д. Баркова, развиваясь, остается самим собой.

Но есть и досадные неточности в Марате Д. Баркова. Мы не поняли его в последней сцене. Слово актером игрался финал спектакля, а не начало новой обнажившейся вдруг жизненной ситуации. Здесь, нам кажется, как и в начале спектакля, Марат абстрагирован.

А в целом мы увидели творчество мастера. Мастера умного, умеющего подняться над сложным материалом, подняться до жизненно философских обобщений.

И еще.

Марат Д. Баркова — тот режиссерский камертон, который вздвигливает в целом спокойный спектакль, делая его по напряжению мысли современным.

И мы уносим из зала впечатление от встречи с человеком наших дней, который может оступиться в деле, но никогда не откажется от максимализма своих поисков, к которым его обязывает наше время.

Шесть мостов, построенных Маратом, — мосты жизни.

Мосты, соединяющие жизнь и сцену, мы увидели и в театре.

А если верить, что личная проявленность актера в роли решает все, то, вероятно, есть и другая зависимость — моральная зависимость актера от своих, им же сыгранных героев? А поэтому пожелаем актеру Д. Баркову быть в искусстве максималистом на уровне своего героя.

«Максимализм почти погубил человечество»?

С этим спорят герои пьесы А. Арбузова. С этим спорит театр, поставивший эту пьесу.

С этим спорит актер Д. Барков, сыгравший в этом спектакле «бедного Марата». Бедного ли?

Вл. БАЛАШОВ.
НА СНИМКЕ: Д. Барков в роли Марата.

221